

ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ И МЕСТО Л. ВИТГЕНШТЕЙНА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПИТЕРУ УИНЧУ*

Родин Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: rodin.kir@gmail.com

В статье представлена попытка оценить влияние философии позднего Витгенштейна (на примере проблемы следования правилу и правилосообразного поведения) на социологию и отдельные эмпирические программы социологических исследований. Вначале дается краткий обзор проблемы следования правилу (приводится скептическое прочтение и скептическое решение проблемы со стороны С. Крипке и ответная критика работы С. Крипке последовательными витгенштейнцами). Затем раскрывается роль скептического прочтения в социологических работах Д. Блур и роль антискептического прочтения в этнометодологических проектах. В завершение демонстрируется первостепенное значение Питера Уинча. Обосновывается следующий тезис: идеи Питера Уинча предвосхитили многие положения и аргументы в споре между Д. Блуrom и этнометодологией. С опорой на работу «Идея социальной науки» влияние философии Витгенштейна редуцируется к разбору концептуальных путаниц в основании теоретических построений в социологии.

Ключевые слова: Витгенштейн, Уинч, проблема следования правилу, скептический парадокс, этнометодология, социология научного знания

THE RULE-FOLLOWING PROBLEM AND WITTGENSTEIN'S PLACE IN SOCIOLOGY STUDIES: A RETURN TO PETER WINCH

Kirill A. Rodin – PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation; e-mail: rodin.kir@gmail.com

The article presents an attempt to evaluate the influence of the late Wittgenstein philosophy (by the example of the rule-following problem) on sociology and some empirical programs of sociological research. At first we give a brief overview of the rule-following problem and consider, on the one hand, a skeptical reading and a skeptical solution to the problem by S. Kripke and, on the other hand, criticism towards Kripke by some Wittgensteinians). Then we reveal the role of skeptic reading in the sociological works of D. Bloor and the role of anti-sceptic reading in ethnomethodological projects. At the end we show the paramount importance of Peter Winch – we prove the following thesis:

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 18–78–10082 «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории».

the ideas of Peter Winch anticipated many of the points and arguments in the dispute between D. Bloor and ethnomethodology.

Keywords: Wittgenstein, Winch, rule-following problem, Kripke's skeptical paradox, ethnomethodology, sociology of scientific knowledge

Влияние философии Витгенштейна на социологию и различные эмпирические программы социальных исследований признается повсеместно. Но исследования по теме и сегодня временами приводят к масштабным спорам. Продолжают выходить новые фундаментальные работы (среди последних необходимо упомянуть книгу Альбера Ожьена [Ogien, 2018]). Значительный разброс концепций и способов прочтения Витгенштейна едва ли позволяет проследить даже общие магистральные пути социологической рецепции философа. Масштабное начало изучения Витгенштейна в контексте рассмотрения отдельных концептуальных и теоретических проблем социологии было заложено Питером Уинчем в известной работе 1958 г. «Идея социальной науки» [Уинч, 1996]. И в настоящее время значение работы Уинча только возрастает [Hutchinson, Read, Sharrock, 2008]. В нашей статье мы попытаемся очертить место Витгенштейна в социологических исследованиях на примере наиболее известной проблемы следования правилу и различных попыток приспособить отдельные подходы к проблеме к нуждам теоретической социологии. Стратегия нашего обсуждения предполагает краткое изложение наиболее известной экспликации проблемы со стороны Сола Крипке. Потом мы переходим к известной и распространенной в среде последователей Витгенштейна альтернативной точке зрения и критике Крипке Бейкером и Хакером (первый раздел). Во втором разделе будет кратко рассмотрена социологическая рецепция «скептического решения» проблемы следования правилу со стороны Дэвида Блора и идейное противостояние вокруг проблемы следования правилу между строгой программой в социологии научного знания и этнометодологическими исследованиями работы в естественных науках и математике (продолжение этнометодологического проекта Г. Гарфинкеля (см.: [Гарфинкель, 2007])). В последнем, третьем, разделе мы возвращаемся к Питеру Уинчу и пытаемся обосновать первенство и первостепенную роль Уинча в обсуждении проблемы следования правилу (и связанных тем философии Витгенштейна) в социологии. Нам представляется, что работа Питера Уинча в сжатом виде содержит большинство концептуальных проблем из последующих дискуссий вокруг проблемы следования правилу. Поэтому «Идея социальной науки» позволяет поставить вопрос о степени развития или уточнения или – возможно – регресса в обсуждении проблемы следования правилу в контексте теоретических основ социальных исследований. В нашей статье мы намереваемся развернуто сформулировать данный вопрос в надежде на дальнейшее обсуждение.

I. Сформулированный Крипке «скептический аргумент» относительно проблемы следования правилу снижал множество сторонников и предопределил развитие темы в последовавших дискуссиях. «Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма» [Крипке, 2010, с. 92]. «Скептический парадокс есть фундаментальная проблема философских исследований» [Там же, с. 117–118]. Обратимся к аргументу.

Пусть я обучился математической операции сложения на небольшом числе примеров и никогда не складывал числа с результатом больше определенного значения (такие числа всегда найдутся). Для простоты ограничим известные мне суммы значением 100. Пусть я никогда не складывал числа с результатом в сумме больше 100. И вдруг меня просят сложить 68 и 57. Естественным (для меня и для окружающих) ответом будет 125. Я не сомневаюсь в собственной способности правильно следовать известному мне (пусть и на ограниченном числе примеров) правилу сложения и в обычной ситуации всегда отвечаю верно. Затруднение же скептика (назовем такого скептика крипке-скептиком (КС)) следующее: в действительности у меня нет оснований достоверно знать никакое направляющее мои действия правило: возможно (для КС здесь важна именно логическая возможность) вместо правила сложения я следовал некоторому другому правилу. Пусть последнее правило требует складывать числа по-обычному лишь до достижения суммой значения 100. В остальных же случаях – приписывает сумме значение 5. Тогда в ответ я должен вместо 125 записать 5. Любую последовательность чисел (например: 2 4 6 8 10) можно продолжить бесконечным числом способов. Итак: КС рассматривает правило как фундаментально недоопределенное. И любой мой ответ (125 или 5) – это шаг в темноту.

Скептический аргумент предполагает очевидное различие между правилом и случаями употребления или следования правилу. После установления различия КС больше не может навести прямые мосты (найти прямой ответ) между правилом и примерами применения. Действительно: правилосообразное поведение едва ли можно рассматривать по аналогии с предсказуемой работой механической машины. Также трудно поверить в объективное существование платонической идеи правила (которая в пространстве воображаемой актуальной бесконечности содержит бесконечное число правильных применений). Да и в нашем собственном сознании (в нашей прошлой ментальной истории) нельзя найти никаких предписывающих фактов (которые предписывали бы в настоящем или будущем единообразное следование некоторому правилу (см.: [Там же, с. 39 и 85])). Поэтому Крипке предлагает единственно возможное для него не прямое «скептическое решение» скептической проблемы: согласованность между правилом и практикой применения правила устанавливается (лучше сказать – узаконивается) через общее согласие внутри релевантного сообщества. Так «наше... сообщество единообразно в своих практиках

относительно сложения» [Крипке, 2010, с. 135]. И следование правилу признается правильным – только когда мои частные примеры применения правила в подавляющем большинстве случаев согласуются с ответами сообщества. «Наша игра приписывания понятий другим зависит от согласия» [Там же, с. 153]. Таким образом, кроме согласия сообщества, Крипке справедливо не признает никаких других (прямых) способов согласования правила и примеров следования правилу.

Против подобного прочтения Витгенштейна выступили Бейкер и Хакер. «Скептическое решение – это абсурдный ответ на непоследовательный вопрос» [Бейкер, Хакер, 2008, с. 9]. Внешнее (напрямую) сопоставление правила (в некоторой общей формулировке) и последовательности правилосообразных действий неизбежно должно рассматриваться в качестве новой и дополнительной интерпретации исходного правила. Пусть мы надеемся найти набор фактических состояний нашего сознания (или обращаемся в поисках подобных фактов к нашей ментальной истории) с целью гарантировать однозначное применение правила. Мы неизбежно должны интерпретировать исходное правило – согласовать правило с гипотетическими фактами нашего сознания (тоже справедливо и для платонической картины: нужно интерпретировать правило через гипотетическую идею правила). Но для любого типа таких внешних интерпретаций потребовались бы дополнительные правила применения. Нам потребовалось бы дополнительно установить правила для согласования правила и последовательности правилосообразных действий в рамках дополнительной интерпретации. Но для таких дополнительных внешних правил нет ни техники применения, ни нормативной регулярности, ни практики (см.: [Там же, с. 41]). Поэтому таких правил и не существует. Проблема КС – это проблема невозможности адекватной (обеспечивающей полную определенность относительно примеров употребления) интерпретации правила. Но в действительности вне правил применения какой-либо интерпретации невозможно даже и поставить вопрос об адекватной (или неадекватной) интерпретации (здесь мы не можем говорить об интерпретации и не можем ставить какую бы то ни было интерпретацию под сомнение). «Никакое... правило не выступает посредником между правилом “добавляй 2” и... последовательностью 20004 20006» [Там же, с. 57]. Соответственно и никакая интерпретация исходного правила никак не участвует в правилосообразной деятельности. Правило не «определяет действие как согласующееся с ним только посредством интерпретации» [Там же, с. 48–49]. Безднадежный поиск опосредующей интерпретации между правилом (формулировкой правила) и примерами следования правилу (естественным образом приводящий к скептицизму) – результат ошибочного понимания природы отношений между правилом и правилосообразным действием. Согласно Бейкеру и Хакеру, между правилом и примерами применения правила

устанавливаются внутренние отношения [Бейкер, Хакер, 2008, с. 17]. Понятие внутренних отношений (как оно сформулировано Витгенштейном в Трактате) предполагает невозможность разорвать связь между элементами такого отношения. Следовательно: правило не может быть понято в отрыве от правилосообразной деятельности и соответствующего бесконечного множества примеров собственного применения. И наоборот: последовательность примеров применения правила нельзя увидеть как последовательность примеров применения именно (какого-то конкретного) правила в отрыве от правила как такового (здесь правило необязательно должно быть непосредственно сформулировано в общем виде).

Итак. Везде Крипке ошибочно рассматривает отношения между правилом и правилосообразными действиями как внешние отношения. Бейкер и Хакер отвергают прямое решение «скептического парадокса» и одновременно отвергают скептическое решение через отсылку к сообществу. При этом отказ от скептического решения не влечет непризнания социальной природы правил и действий по правилам. «Мораль, социальная жизнь, право, игры пронизаны правилами и родственными нормативными феноменами» [Там же, с. 97]. Не признается лишь необходимость внешнего посредника в игре следования правилу. Феномен следования правилу первичен для нашей формы жизни [Там же, с. 84]. Поэтому согласие сообщества относительно правильности следования правилу само непосредственно зависит от нашей способности корректно следовать правилу.

II. В работах Стюарта Шенкера (см.: [Shanker, 1987]) и других последователей Витгенштейна также представлена критика скептической проблемы и соответствующего скептического решения. В контексте недавних исследований значения внутренних отношений в «Философских исследованиях» и поздней философии Витгенштейна «экзегетическая» несостоятельность Крипке не вызывает (или почти не вызывает) сомнений (о понятии «внутренних отношений» см. особенно: [Macha, 2015]). Однако в дальнейшем обсуждение проблемы следования правилу будет интересовать нас только в контексте методологии социальных исследований и социальной эпистемологии.

Наиболее последовательное развитие скептического решения Крипке в социологии обнаруживается в работах Блурра. Мы подробно остановимся на первых главах работы «Wittgenstein, Rules and Institutions» (1997). Здесь в центре внимания замечательная (brilliant) книга Крипке [Bloor, 1997, с. 7]. В начале повторяются известные положения относительно несостоятельных попыток придать правилу и правилосообразной деятельности определенность. Пусть предопределенность значения (meaning determinism) относительно правила продолжения последовательности 2 4 6 8 обеспечивается единственно знанием значения терминов «последовательность» «прибавлять» и «2» для правила «для продолжения последовательности прибавляй 2». В рамках

позиции предопределенности значения знание значения общей формулировки правила должно обеспечивать полную определенность относительно бесконечного числа членов последовательности. Перед нами по существу мистическая точка зрения: КС научил нас несостоятельности любой интерпретации и любых попыток связать значение (ментальный факт или платоническую идею) правила и бесконечно продолжающееся действие по правилу (остается только мистическая вера в подобную связь). Позиция предопределенности значения увязывается Блуrom с отвергаемым индивидуализмом относительно следования правилу (индивид будто бы самостоятельно в силу собственных ментальных способностей может схватить значение правила) и противопоставляется позиции финитизма-относительно-значения (meaning finitism) (см. подробнее: [Bloor, 1997, с. 4–7]). Финитизм или ограниченность значения правила конечным списком фактически выписанных примеров естественно заставляет отказаться от прямого решения скептической проблемы и прибегнуть к сообществу (социальным институтам). При обучении дается конечное число примеров применения правила – и при этом общий характер сформулированного правила не вступает в противоречие с частным набором примеров (противоречие здесь – проблема сторонников индивидуализма и скептицизма) (см.: [Ibid., pp. 11–12]). «...we create meaning as we move from case to case» [Ibid., p. 19]. Мы не интерпретируем правило для правилосообразного поведения: иначе мы были бы должны также «интерпретировать интерпретацию». Естественный вывод: необходимо выбирать между несуществованием феномена следования правилу (позиция скептика) и несущественностью для феномена следования правилу какой бы то ни было интерпретации.

До некоторой степени тезисы Крипке и Блура совместимы с текстами Витгенштейна. Прямое согласование правила и следования правилу неприемлемо: бесперспективно для Крипке и Блура и изначально абсурдно для Витгенштейна. Но принятие предпосылки внешнего характера отношений между правилом и правилосообразным поведением (и естественная неудача прямого решения скептической проблемы) заставляют Блура (вслед за Крипке) отвести роль внешнего посредника между правилом и следованием правилу общественным институтам, обычаям или (социальным) привычкам. На сцену заступает определенный вид социологического объяснения (решения) проблемы следования правилу: феномен правилосообразного поведения якобы невозможно понять без репрезентации (объяснения) правил через социальные институты. Социальные конвенции становятся дополнительным (спасающим от безнадежного скептицизма) внешним способом объяснить феномен следования правилу. Поэтому Блур и пытается рассмотреть правила как социальные институты (и дать соответствующее определение социального института) [Ibid., pp. с. 27–42]. Подобная социологизация Витгенштейна

никак не учитывает внутренний характер отношений между правилом и следованием правилу (Витгенштейну здесь не требуются **никакие** внешние посредники). Ограниченность Блур очевидна на фоне другого возможного прочтения Витгенштейна – в рамках этнометодологии и связанных исследовательских программ. Обратимся к статье М. Линча «Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки» [Линч, 2003].

Линч противопоставляют две соперничающие влиятельные социологические программы: социологию научного знания (Блур и др.) и этнометодологические исследования работы в естественных науках и математике – продолжение этнометодологического проекта Г. Гарфинкеля по изучению «обыденных практических действий и практического мышления» (см. подробнее: [Там же, с. 156–157]). Социология научного знания исходит из гипотетической возможности отделить правила от практических действий и установить некоторый общий (в различных социальных практиках) инвариант правилосообразного действия. Принципы «сильной программы» Блур в социологии знания предполагают универсальность и относительную независимость (от частных сфер научной деятельности) предпосылок и условий получения, распространения, игнорирования отдельных представлений и видов знания (принципы должны работать и относительно самой социологии). Любые факты и доказательства должны рассматриваться как верования и объясняться социальными конвенциями и соответствующими социальными практиками. Здесь банальный скептицизм относительно правила можно распространить на научные теории и поставить под сомнение определенность (обоснованность) некоторой теории фактами: конечный набор экспериментальных фактов никогда не может полностью подтвердить никакую теорию. Значит: согласие относительно теории достигается «социальными конвенциями и общими институтами» (голых фактов недостаточно). Бесконечное разнообразие способов согласования фактов (неограниченное разнообразие теоретических альтернатив) ограничивается внешними факторами. «Скептическое прочтение Витгенштейна предоставляет содержание математики и естественных наук в распоряжение социолога... наиболее элементарные процедуры арифметики и теоретические законы физики могут теперь рассматриваться в качестве выражающих «совместное поведение людей» [Там же, с. 166] {Отдельные (методологические в том числе) следствия для социологии научного знания также могут рассматриваться в свете проблемы правилосообразного поведения}. И напротив: последователи этнометодологического исследовательского проекта не признают осмысленным разговор о правилах в отрыве от организованных практик. Оторванные социальные механизмы «возвращаются обратно и накрепко привязываются к практикам математиков и естественников» [Там же, с. 172]. «Консенсусный характер

математики выражается и описывается математически... он доступен в действиях осуществления осмысленной математики» и – соответственно – «определение содержания математики и естественных наук в качестве социальных феноменов оказывается пирровой победой для социологии» [Линч, 2003, с. 173]. Кроме того: практика отдельных научных сообществ в рамках отдельных научных дисциплин не может быть описана с помощью гипотетического и якобы объективного языка социологии (за несуществованием такового) – потому как язык социологии нерасторжимо связан с обыденным языком и соответствующими частными практиками социологического теоретизирования. Очевидно: признание исключительно внутренней связи между теорией и фактами (отчасти конструируемыми внутри теории) лишает социологию привилегированной позиции объективного наблюдателя: правильно понятый Витгенштейн скорее подрывает возможность социологии научного знания Блур. Так Гарфинкель и Сакс [Garfinkel, Sacks, 1970] иронически рассматривают в качестве «индексального выражения» тезис Дюркгейма: «Объективная реальность социальных фактов есть основополагающий принцип социологии». Релевантность тезиса (организующего (внутренним образом) лишь соответствующие исследовательские практики) ограничивается сообществом профессиональных социологов. Как и теории, «...формулировки не обладают самостоятельностью... смысл и адекватность любой формулировки неотделимы от порядка формулируемых действий» (см. подробнее: [Там же, с. 178–180]). Диаметральные противоположные конкурирующие исследовательские стратегии (этнометодология и строгая программа) опираются на различные интерпретации одних и тех же текстов Витгенштейна...

III. В нашем кратком изложении проблемы следования правилу и различных соответствующих подходов и дискуссий в социологических исследованиях мы вынужденно ограничились избранными примерами. В действительности спор вокруг правилосообразной деятельности можно рассматривать как **концептуальное** (иногда методологическое) продолжение идей Питера Уинча [Уинч, 1996]. Уинч отлично сознавал опасность и возможности скептицизма относительно следования правилу {«форма человеческой деятельности не может суммироваться в виде сборника эксплицитных наставлений. Деятельность всегда “выходит за пределы” наставлений» [Там же, с. 41] и никакие ментальные состояния (физиологически понятые мотивы) не предопределяют наше поведение [Там же, с. 58–59]} – и заранее подобный скептицизм отвергал: «система полного пирронистского скептицизма... далека от действительной интенции Витгенштейна» [Там же, с. 28]. Обсуждение Уинчем проблемы следования правилу (особенно: [Там же, с. 20–24]) представляется наиболее лаконичным и кратким (и на концептуальном уровне очерчивает почти все проблемное поле социологического обсуждения правило-

сообразного поведения). Уинч одним из первых через центральные понятия философии позднего Витгенштейна (критерии тождества, форма жизни и внутренние отношения) критически разобрал отдельные концепции известных социологов. Кроме того: некоторые тезисы Уинча совместимы с общими теоретическими предпосылками этнометодологических исследований. Например: невозможно идеи «вырвать из их контекста... отношение между идеей и контекстом является внутренним» [Уинч, 1996, с. 81]. Нельзя «исключить... идеи и понимание из описания социологом социальной жизни» [Там же, с. 84]. Или: «Регулярность или единообразие... постоянное повторение того же события в тех же обстоятельствах... [подобные] утверждения о единообразии предполагают суждения о тождественности... критерий тождественности необходимо соотносится с неким правилом... исследовать вид регулярности... в определенном типе исследования означает проверить природу правила, в соответствии с которым совершаются суждения о тождественности в рамках данного типа исследования. Такие суждения можно понять только в отношении к определенному виду человеческого поведения... чтобы понять действия отдельного исследователя, необходимо принять в расчет две группы отношений: ...отношение к феноменам... отношение к коллегам-исследователям» и т.д. [Там же, с. 63–64]. Нужно непосредственно понимать язык ученых: не существует никакой отдельной логики научного открытия. Социолог блуровского типа не исключение: только – в отличие от социологии – в эмпирических науках есть более-менее независимый (от отношений с коллегам-исследователями) объект исследования... Вторая группа отношений очевидно намечает основной предмет эмпирических исследований обыденных практических действий в рамках этнометодологических исследований. Вслед за Витгенштейном Питер Уинч пытается разбраться в постоянном переплетении (путанице) концептуальных и эмпирических проблем (но уже в пространстве социологии). Для Уинча разъяснение концепции в значительной степени есть выяснение лингвистических путаниц [Там же, с. 10]. Даже опираясь только на Уинча (оставляя за скобками этнометодологическую критику), можно сказать: теоретические предпосылки строгой программы в социологии научного знания предопределяют границы соответствующих эмпирических исследований и – через ошибочное прочтение проблемы следования правилу – навязывают определенную социологическую натурализацию Витгенштейна (переносят эпистемологические замечания Витгенштейна на почву специально сфабрикованных эмпирических исследований). Решающей становится определенная концептуальная путаница (связанная с неверным пониманием феномена следования правилу). Мы специально вынесли обсуждение идей Питера Уинча в самый конец с целью показать их значение на фоне более поздних работ и обсуждений. Вернемся к Витгенштейну.

Оценить степень влияния Витгенштейна (даже принимая в рассмотрение только проблему следования правилу) на развитие социальных исследований (или только социальной эпистемологии) в действительности достаточно сложно. Наш краткий обзор различных подходов к проблеме следования правилу не позволяет утверждать существование серьезной зависимости этнометодологии или даже Блура (который подчас только встраивает собственную интерпретацию Витгенштейна в давно существующий социологический контекст) от Витгенштейна. На фоне работы Питера Уинча дальнейшее обсуждение и споры вокруг проблемы следования правилу по существу малопродуктивны и, похоже, только дополнительно обыгрывают различные нюансы. Уинч не разворачивает позицию скептицизма относительно правила. Но при обсуждении некоторых идей Милля или Вебера (опираясь на внутренний характер отношений между правилом и следованием правилу) уже определяет возможные пути критики социологических построений Блура. В результате следует признать (как и настаивал Уинч) исключительно концептуальное значение Витгенштейна в социологии (и только во вторую очередь обсуждать влияние Витгенштейна на теоретические основания отдельных социологических программ).

Список литературы

Бейкер, Хакер, 2008 – *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. 240 с.

Гарфинкель, 2007 – *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

Крипке, 2010 – *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 256 с.

Линч, 2003 – *Линч М.* Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. № 1–2. 2003. С. 155–213.

Уинч, 1996 – *Уинч П.* Идея социальной науки. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 106 с.

Bloor 1997 – *Bloor D.* Wittgenstein, Rules and Institutions. L. and N.Y.: Routledge, 1997. 173 p.

Garfinkel, Sacks, 1970 – *Garfinkel H., Sacks H.* On Formal Structures of Practical Actions // *Theoretical Sociology: Perspectives and Development* / Ed. J.C. McKinney and E.A. Tiryakian. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970. P. 337–366.

Hutchinson, Read, Sharrock, 2008 – *Hutchinson P., Read R., Sharrock W.* There is No Such Thing as a Social Science: In Defence of Peter Winch. Bodmin, Cornwall: MPG Books Ltd, 2008. 157 p.

Macha, 2015 – *Macha J.* Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections. L., N.Y.: Bloomsbury Academic, 2015. 262 p.

Ogien, 2018 – *Ogien A. Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Cambridge Scholars Publishing, 2018. 120 p.

Shanker, 1987 – *Shanker S.G. Wittgenstein and the Turning-Point in the Philosophy of Mathematics*. N.Y.: SUNY Press, 1987. 358 p.

References

Baker, G.P., Hacker, P.M.S. *Skepticizm, pravila i yazyk* [Skepticism, Rules and Language]. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2008, 240 pp. (In Russian).

Bloor, D. *Wittgenstein, Rules and Institutions*. London and New York: Routledge, 1997, 173 pp.

Garfinkel, H. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg: Piter, 2007, 335 pp. (In Russian).

Garfinkel, H., Sacks, H. “On Formal Structures of Practical Actions”, in: J.C. McKinney and E.A. Tiryakian (eds.). *Theoretical Sociology: Perspectives and Development*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1970, pp. 337–366.

Hutchinson, P., Read, R., Sharrock, W. *There is No Such Thing as a Social Science: In De-fence of Peter Winch*. Bodmin, Cornwall: MPG Books Ltd, 2008, 157 pp.

Kripke, S.; V.A. Ladov, V.A. Surovcev (trans.). *Vitgenshtejn o pravilah i individual'nom jazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2010, 256 pp. (In Russian).

Lynch, M. “Razvivaya Vitgenshteina: reshayushchii shag ot epistemologii k sotsiologii nauki” [Developing Wittgenstein: A Decisive Step from Epistemology to the Sociology of Science], *Sociology of Power*, 2003, no. 1–2, pp. 155–213. (In Russian)

Macha, J. *Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections*. London, New York: Bloomsbury Academic, 2015, 262 pp.

Ogien, A. *Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Cambridge Scholars Publishing, 2018, 120 pp.

Shanker, S.G. *Wittgenstein and the Turning-Point in the Philosophy of Mathematics*. N.Y.: SUNY Press, 1987, 358 pp.

Winch, P. *Ideya sotsial'noi nauki* [The Idea of a Social Science]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996, 106 pp. (In Russian)